

БЕРЕЗОВСКИЕ



МЕЛОДИИ

АЛЬМАНАХ



БЕРЕЗОВСКИЕ МЕЛОДИИ

Литературно-художественный
альманах

Выпуск 3-й

Централизованная
Библиотечная Система
Центральная
Детская библиотека
г. Березовский

г. Березовский, 1995 г.

НАШИ АВТОРЫ



ГЕРЖИДОВИЧ Леонид Михайлович — член Союза писателей России. В областных и местном издательствах вышло несколько сборников его стихов. Одна из любимейших тем творчества поэта — родная природа. Любовь к ней проникнута не только в поэтических строках мастера слова, но и в прозе. Ниже публикуется один рассказ из богатого цикла прозаических произведений Леонида Гержидовича.

Леонид Гержидович

ФИЛЬКА

Рассказ

Охотничье жильё мне досталось от лесорубов. У них на лесосеке возвышалась большая будка, похожая на слона с длинным хоботом. К этому хоботу из толстого гнutoго рельса цеплялся трактор и при необходимости перетаскивал будку с места на место. Но как-то раз при перекочевке времянку лесорубов крепко заклинило между двух приземистых пней. Железный хобот выпрямился и отломился, домик повело, потолок перекосялся и рухнул. Лесорубы покрутились возле него и махнули рукой на свое сломанное жильё.

Шло время. На лесосеках снова и снова поднимались в полный рост травы. Выруба постепенно заполнялись свежей порослью леса. А домик так и стоял в плену кряжистых кедровых пней. Паклю из его пазов растаскали на гнезда мыши и птицы. Поскольку в из-

бушке не было потолка, постоянные сквозняки гуляли здесь во все времена года. А добротная крыша сохранила стены от сырости. Давно рубленые бревна избушки отдавали надежной желтизной и прочностью.

Находилась эта избушка на моем охотничьем участке. Проходя мимо, я печально смотрел на мертвое людское сооружение в угрюмой тайге и однажды решил вернуть его к жизни. Перво-наперво выправил, как мог стены. Затем застелил потолок. Мохом и ветошью проконопатил стены. Исправил раму и застеклил окно. Навесил дверь. У окна, от стены до стены, выстелил широкую лежанку. В довершение ко всему в углу установил высокую печь, сделанную из объемистой железной бочки. И закружился голубою куделью дым над островерхими пихтами. Ожила избушка! Засветилась радостно светлым окном, заговорила приветливо дверью, запела, загудела богатой печью.

* * *

Как-то в начале зимы пришли ко мне в избушку знакомые ребята. Побродили по тайге, вечером песни под гитару попели, а назавтра один из них, Серега, говорит:

— Всем ты, Михалыч, хорошо живешь! Печь у тебя мертвого отогреет, на лежанке и королю выспаться можно, света в окне, как во дворце. Одно плохо — роджера у тебя нет, — флага, то-есть.

— К чему мне флаг?

— Чтобы видно было: здесь живет хозяин тайги.

— Мы, Сережа, охотники и вовсе не хозяева тайги. Мы — ее неделимая часть. И зверей мы не уничтожаем подчистую, а только следим, чтобы в лесу их как раз в аккурат было. Ни больше, ни меньше.

— Возможно, ты и прав, — согласился Серега. — Только флаг я тебе сделаю.

Принес он из чащи длинную жердь, вырезал из картонной коробки флаг, прикрепил его к концу жерди и другим концом воткнул в снег возле избы.

— Ну, Михалыч, теперь ты будешь жить по-настоящему — с флагом!

Под вечер ребята ушли. И вслед за ними застругал ветер по лыжне белые стружки. Зашумела тайга. Заходили, закачались деревья, сбрасывая кухту с зябких плеч. Заплакал буран в высокой трубе, застучался в окно. Всю ночь ветер трепал и мочалил Сережкин флаг. А под утро сорвал его с шеста, унес и запрятал неведомо где. А голая мачта так и осталась высоко стоять у избушки.

* * *

Однажды запозднил я на охоте. Пришел в зимовье, вскипятил чай, поужинал, загасил лампу и лег спать.

Над тайгой между тем луна поднялась. Светло стало, как днем. Смотрю в окошко на шест, а он-то вроде бы и не тот. Выше стал и другую конфигурацию приобрел, будто у него голова появилась. Смотрю: и правда голова — шевелится. И тут я догадался: это филин сидит на шесте и головой крутит. Так я и засыпал, глядя на неожиданную птицу с причудливой кошачьей головой.

С тех пор, видно, полюбился Сережкин шест филину. Не успеют торопкие сумерки занеленать тайгу, а он уже тут как тут: сидит на верхушке шеста и головой вертит.

* * *

В городе меня первой встречала с охоты дочь Людмила-пятиклассница. Вечерами она садилась ко мне на колени и просила:

— Расскажи, папа, что-нибудь про тайгу.

Я вспоминал разные лесные истории. Людмила слушала и снова просила:

— Папа, возьми меня в лес, я очень хочу.

— Ладно, — обещал я, — наступят каникулы — сходим.

Каникулы подошли вскоре. Пришел и Новый Год. Отпраздновали мы его и на следующий день — к вечеру пришли с дочерью к зимовью. Обошла Людмила

вокруг избушки, смела с оконных стекол снег, приставила рукавицу к щеке — заглянула во внутрь.

— Хорошая, пап, у тебя избушка, — говорит.

Потом подошла к шесту, потрогала:

— А это что такое?

— Фильки троп, — отвечаю.

— Интересно... А кто такой Филька?

— Стемшет — узнаешь.

Начал я готовить ужин, а Людмила нет, нет, да в окно зыркнет. Хочется ей знать почему шест «Филькиным тропом» зовется и кто такой этот загадочный Филька?

Ушастый и большеголовый филин невозмутимо глядел на нас блестящими круглыми глазами. Потом он легко повернул голову, будто она была на шарнирах, в сторону леса. Дочь смотрела на него завороженно.

— У-у, какой глазастый! — Людмила перешла на шепот: — Пап, а ты его из ружья...

— Нельзя, он у меня полезным делом занимается.

— Каким таким делом?

— Не скажу. Сама догадайся.

Я увернул фитиль в лампе и прилет на лежанке. Людмилку нельзя было оторвать от окна. До чего же здесь все интересно! В избушке тепло и уютно, а за окном — вот она, тайга, подступает к самому подоконнику. Бродят по ней голодные звери, ютятся загадочные, хмурые птицы, а одна из них — серая, с крючковатым клювом, сидит напротив окна и смотрит на тебя злыми, огненными глазами. Вдруг птица сорвалась с шеста и черной тенью растворилась в деревьях. И тотчас над избушкой по всей тайге разнеслись грозные крики: «Э-э-й! Э-э-й! И-а-а! И-а-а!» Людмила съежилась. Страшно!

* * *

Утром разбудил меня дочуркин голос:

— Я знаю, что Филька по ночам делает, знаю! — Она немного помолчала, а затем выдохнула: — Он у тебя вместо кошки!

— Точно! — обрадовался я.

С мышами в избушке у меня шла постоянная враж-

да. Крупу и сахар я хранил в закрытых банках, а хлеб и сухари подвешивал на большой крюк под потолком. Иначе нельзя: все сгрызут, перепортят. Однажды даже кусок мыла съели. Мышей я пробовал ловить мышеловками, да бросил: пустое занятие. Одних выловишь, следом другие идут. Со всей тайги не переловишь.

Мышам в лесу вольготно зимой. Снег глубокий, тепло под ним: ни ветра, не мороза. И опасности почти никакой. Колонкам да ласкам отыскать их в таком снегу трудно, лисам тоже нелегко разгрести высокий снег, а у птиц — сов да филинов совсем голодные времена наступают.

Перед избушкой с подветренной стороны снег выдувало до самой земли. Здесь мне было удобно готовить дрова. Принесу на лыжах из леса бревно и начинаю его пилить да колоть. А в каждом сухом дереве, только приглядишься, в щелях и под корой чего только нет! Здесь и спящие мухи с пауками, и муравьи со всякими букашками, и жирные короеды. Всех зима упрятала — кого до весеннего солнышка, а кого и до летнего тепла. Для мышей лучшего лакомства не придумаешь. Они ночью и выбегают сюда поживиться и утолить голод. А Филька тут как тут. Упадет с шеста, развернет крылья и накроет зазевавшуюся порушку. В острых когтях отнесет мышью в лес, управится с ней и опять возвращается к избушке на свой трон.

Людмила жила у меня все каникулы. По утрам мы вставали на лыжи и уходили из зимовья. В лесу ели сладкую подмороженную рябину и черемуху, какую не успели еще склевать свиристели да рябчики. Осматривали ловушки. По следам на снегу я учил ее узнавать птиц и зверей. А вечерами дочь наблюдала за филином. Вначале она жалела мышей и ругала Фильку:

— У-у, живодер...

Но постепенно птица покорилась ее такому не птичьему целомудрию, независимым видом и своеобразной красотой.

— Он, папа, как и ты, — охотник, и живете вы почти вместе, — сказала дочь на прощание.

В последний день каникул мы вернулись в город.

Обратно возвращался затемно. Издалека заметил в окне лампа светится. «Э, думаю, никак кто-то в гости пожаловал». Вошел, вижу: Серега с друзьями явился. В зимовье от табака, как у костра в дождь, дыма — не продохнуть. Гитара бренчит. На красной печи чайник паром исходит, крышка над ним, как в лихорадке трясется. За столом сидят трое ребят, по пояе раздетые, мокрые от жары. На лежанке Сережка развалился, папиросным дымом в потолок садит.

— Здорово, — кричит! — Михалыч! — И ногой под лавку тычет. — Смотри, какую я птицу подстрелил. Филин, поди. Сам, дурак, к избушке прилетел!

Я опешил и слова сказать не могу. А когда пришел в себя, выдавил:

— Что же ты наделал, негодный?!

Сережка непонимающе выкатил глаза. Гитара стихла. Я молча бросил в угол рюкзак, опустился на чурку у печки. Молча смотрел на гостей. Здоровые, широкоплечие, мускулистые; жизненная сила так и распирает их изнутри. Эта неуемная сила и привела их в лес. А лес такой необъятный! Он перед ними лежит большой, таинственной книгой, и они начинают рвать из этой книги первые страницы, совсем не прочитав их. Это печально.

— Послушай, Сережа, — выговорил я тихо, — глянь в окно. Сейчас зима, а тайга — живая. Она живая всегда, не терпит, не выносит злых и бездумных людей. Сегодня ты в нее выстрелил, а завтра она тебе, нам всем, отомстит за бездушие.

— Да прости ты его, Михалыч, — вступились за Серегу друзья. — Он же не совсем убил. Живой еще. Может, выживет.

Вытащил я филина из-под лавки, и душа зашлась от жалости: правое крыло перебито, а вместо глаза — страшное пятно цветом вызревшей костянки. Смазал я ранку йодом, наложил на крыло щепку, забинтовал.

Глаз присыпал древесным пеплом, чтобы заживал по-быстрее. Посадил Фильку в темный угол на чурку.

Всю неделю просидел он в углу, как истукан. И умирать не умирал, и признаков жизни не подавал никаких.

* * *

Проснулся я как-то ночью, слышу: вроде бы кто-то по полу ходит. Засветил спичку — Филька от угла к печке скачет. А потом здоровое крыло распушил и вроде бы как потянулся. Ну, думаю, больной на поправку пошел.

Днем, осматривая капканы, я поймал сойку. Птица с виду куда с добром — красавица, а сказать по совети — никудышная. Весной и летом ворует из чужих гнезд яйца и птенцов малых. Сама их ест и детей своих кормит. Охотникам зимой от этой сойки спасенья нет. Поставит промысловик ловушку или капкан, положит приманку на зверя, а она — тут как тут. Приманку стащит, ловушку захлопнет, а то, глупая, и сама попадется. Словом, птица дурная, попала в капкан, а все равно жалко. Отпустить — пропадет: обе лапки перебиты. Возьму, думаю, в избушку. Авось подлечится. Принес в тепло, опустил на пол и говорю Фильке: «Вот, милый, наше зимовье теперь птичьим лазаретом будет». Смотрю, а Фильку как будто током пронзило. Встрепенулся весь. Единственный глаз, как лампа, вспыхнул. И вдруг он прыгнул на сойку, воизил в нее острые когти, а клювом, как ножницами, защемил шею. Здоровое крыло распушил чуть ли не на полметра. Я и сделать ничего не успел, как из сойки дух вои.

Ощипал филин перья с мертвой птицы и съел ее. Насытившись, вскочил на свою чурку, но прежнее место ему не понравилось. С чурки он перебрался на лавку, с лавки на подоконник, оттуда на полку, с нее на вешалку, а с вешалки на крюк под потолком — к сумке с хлебом. Вот так Филька! И в избушке себе трон выискал.

Та мы и стали жить с одноглазым. Ко мне он быстро привык. Кормил я его мясом. Когда возвращался с

охоты, он встречал меня радостным, странным звуком, похожим на скрип треснувшего дерева. А у меня в рюкзаке всегда отыскивалось для него что-нибудь вкусное.

Иногда я помогал ему водрузиться под потолок на его излюбленное место. Он это принимал как должное. Крыло его подживало. Глаз постепенно затянулся пепельной корочкой.

Ближе к весне он окончательно оправился и я его выпустил на волю.

И теперь, когда я увижу в лесу филина, невольно щемит сердце: не мой ли это Филька?



ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
Предисловие	3
К 100-летию Сергея Есенина	5
Федоров Т. Плевое дело (рассказ)	9
Зиновик М. Стихи	29
Грязина С. Стихи	39
Баритко Л. Стихи	43
Роков В. Договорились.. (рассказ)	47
Михайлов Ю. Стихи	53
Гержидович Л. Филька (рассказ)	57
Едигарова Н. Стихи	65
Соснина З. Стихи	67
Минькова В. Стихи для детей	71
Степанова Н. От мысли до мысли (рецензия)	73
Памяти ушедших друзей	78
Седунов Г. Стихи	79
Уткин В. Стихи	81
Фомин А. Стихи	82
Подгорный А. Стихи	83
Фалдин А. Стихи	86
Гусев Р. Музыкальная обработка песен для гитары	87
Гусев Н. Придешь, иль не придешь? (романс)	90
Город Березовский — город берез	93
В минуты отдыха. Арифмограмма	95
Кроссворд	96

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Ваши отзывы об альманахе и пожелания присылайте по адресу: 652430 г. Березовский, аб/ящик № 1, редакции альманаха.

БЕРЕЗОВСКИЕ МЕЛОДИИ

Литературно-художественный альманах

Выпуск 3-й

Редактор **В. Д. Чворо**
Технический редактор **В. Г. Трусова**.
Корректор **Т. Ф. Уланова**.
Обложка и художественное оформление
художника **Т. Н. Федорова**.
Фотоиллюстрации **В. В. Рубцова**.

Сдано в набор 25.09.1995 г. Подписано в печать 30.10.1995 г. Бумага 60×80^{1/16}. Печати. лист 6,6. Тираж 1000 экз. Цена договорная.

Издатель — Союз творческих работников г. Березовского.

Отпечатано в Березовской типографии, 652430, г. Березовский, Кемеровской обл., ул. Мира, 38.